

-КАХИ КАВСАДЗЕ в разгар сезона на время оставил тбилисский театр и приехал в Москву. Что же за срочные дела привели вас сюда?

— 21 декабря неожиданно раздался звонок Геннадия Хазанова: «Приезжай, поговорим!» Поговорили. А сегодня мы уже вовсю репетируем пьесу Женни Унгарты «Птички». Большой спектакль на русском языке. Буду играть с русскими коллегами на русской сцене. Вот так все несколько неожиданно получилось.

— В родном театре вас свободнo отпускают на «вольные хлеба»?

— 43 года я в театре имени Шота Руставели. Режим мой напряженный уже много лет. В одиннадцать — репетиция, а в два — съемка, вечером — спектакль, потом продолжение съемок до утра. Сегодня я уже не выдерживаю такого ритма, а иногда и не могу, и не хочу. У меня есть такая договоренность с моим руководством, что во всех спектаклях я имею дублера, который заменяет меня по необходимости.

— Много ли предложений о съемках поступает вам сегодня?

— Сейчас в Грузии, впрочем, как и в России, мало снимают. И не потому, что нет денег. Они есть и где-то крутятся, но они делают другие деньги. На искусстве, подлинном, настоящем — не найдется. Есть такая легенда. Солдаты в 1917 году после штурма Зимнего сидят во дворце. Холодно. Тогда они разожгли костер из дворцового паркета. А паркет этот — бесценный. Мимо проходит Луначарский. Солдаты его спрашивают: «Ну что, товарищ Луначарский, когда у нас появятся интеллигенты?» А он им без паузы отвечает: «Через четыре поколения!» Представьте, четыре поколения в России должны родиться, прежде чем люди поймут, что такой паркет жечь нельзя, иначе говоря, пока не научатся ценить и понимать настоящее искусство.

— Появлялось ли у вас когда-нибудь желание покинуть свою страну?

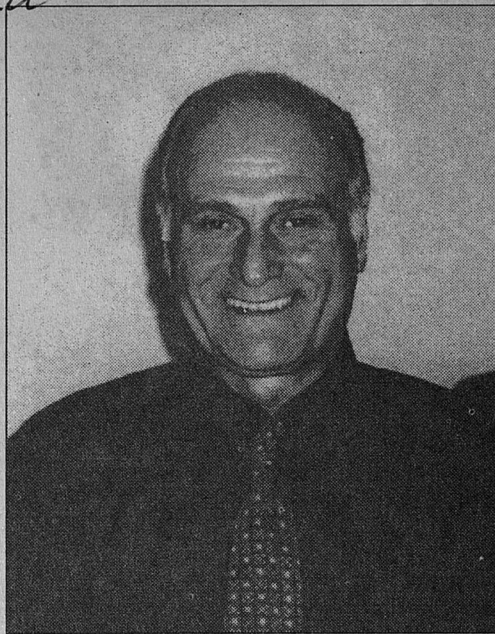
— Я не люблю спекулировать на эту тему. Вот некоторые говорят: «Я бы уехал, но я настоящий патриот, или: я уезжаю, потому что меня здесь не понимают, не ценят, «зажимают», не дают свободно творить». Не надо громких фраз. Мне много пришлось путешествовать, но куда бы я ни уезжал, на пятнадцатый день хочу домой. Именно на этот день у меня пропадает чувство юмора. Я прихожу на съемочную площадку и говорю: «Уважаемые коллеги, сегодня 15-й день, поэтому шуточки — в сторону!» И все: «О, да мы знаем, знаем!»

— Вы вообще строгий человек?

— Я не знаю, но мне кажется, что нет. Хотя моя несчастная жена часто говорила мне: «Ты крикуни!» А вот дети, недавно вспоминая прошлое, сказали, что не помнят, чтобы мы хоть раз ссорились с женой. С внуком мы ведем взрослые разговоры «за жизнь», ему уже 15, а внучка считает меня своей собственностью. И мне это, представьте, нравится.

— Как ваша жизнь изменилась после «Белого солнца пустыни»?

— Совсем не изменилась, и знаменитым я не проснулся. Тем более что фильм прошел для широкой публики «вторым» экраном. Успех пришел гораздо поз-

Кахи Кавсадзе.

же, после того как его однажды совершенно случайно увидел Брежнев. Он позвонил министру кинематографии, и вот тогда все закрутилось. Говорят, что на деньги, полученные за прокат этого фильма в России и за рубежом, содержали медицину и здравоохранение в те годы. А может, это и легенда. Я слышал, что сразу этот фильм закупили 160 стран, и позднее этот список значительно пополнился.

— Многие фразы из фильма стали крылатыми. Часто ли вам самому доводилось их слышать и в каких ситуациях?

— Разве что в аэропорту, когда проходил таможенно. Обычно после того как осмотрят мой багаж, мне говорили, улыбаясь: «Таможняк дает добро!»

— Многие актеры, когда их спрашиваешь про фильмы, в которых они снимались, обычно говорят, что не видели их полностью. А как у вас с «Белым солнцем пустыни»?

— Полтора года назад я был на ретроспективе фильмов Рустама Ибрагимбекова. Мы сидели рядом с Анатолием Кузнецовым, и я ему сказал: «Толя, а я ведь ни разу этого фильма не видел!» Он удивился и посоветовал: «Тогда пора посмотреть!» Так что недавно я его посмотрел.

— Ну и как впечатление?

— Не пойму, что здесь народу может нравиться? Толя там, конечно, замечательно работает, и Луспекаев, и Мишулин. Но в этом львиная доля заслуг самого Владимира Мотыля. Это он наши способности использовал правильно и удивительно верно. Поэтому и фильм получился такой правдивый. Он честно говорит как с позиции художника, так и с позиции гражданина. Может, поэтому фильм и любят.

— Известно, что многие сцены из фильма были вырезаны цензурой. Коснулось ли это кадров с вашим участием?

— Цензура тогда работала отменно. Естественно, «порезали» и кадры с моим участием. Помню, среди прочих эпизодов была одна довольно смелая по тем временам сцена. Со съемками этой сцены у меня связаны некоторые, скажем так, необычные воспоминания. По сценарию мой герой лежал без верхней одежды, а на нем — голая женщина. Когда Владимир Мотыль предложил мне сняться в этой сцене, не скрою, меня одолели большие сомнения. Как-то стыдно стало. Чтобы помочь мне,

Владимир Мотыль попросил всех выйти из павильона. А в тот день должна была прилететь в Ленинград моя жена. Но рейс задержали, а я опаздывал на съемку и не смог ее встретить. Она приехала самостоятельно и зашла в павильон в самый разгар съемок. Рассерженный режиссер закричал: «Я же просил никого посторонних не пускать!» Моя жена тихо произнесла: «А я не посторонняя!» Мотыль смутился и пригласил ее остаться до окончания съемок. Но, увидев мое несчастное лицо, Бэлла, как умная женщина, решила меня не травмировать и тихо вышла из зала. Но эта сцена, как и многие другие, была позднее вырезана. (За что мучился — так и не пойму!) Я до сих пор отчетливо помню, как после просмотра выступила одна дама из комиссии и безжалостно изрекла (помню даже интонацию и тембр ее голоса): «Этот отрицательный герой уж очень положительно смотрится. Надо сделать все, чтобы этого не было».

— Я слышала, что конец у этого фильма тоже был другим.

— Неблагоприятное дело — пересказывать кратко сценарий, но я попробую. Финал выглядел так. У нас с Суховым происходит схватка на корабле. Мы ранили друг друга, он меня — смертельно. Мы плывем, затем оба выбираемся на сушу. Я делаю несколько шагов и падаю около его ног. Он поворачивается и уходит. И вдруг раздается страшный крик — это женщины оплакивают своего мужа. Сухов в недоумении оглядывается на них. Как же так, он их освободил, а они жалеют своего мужа? Чего же они хотят? Все, что видит зритель на экране, — это уже досъемки. Вы даже не замечаете, что я поднимаюсь с одной стороны резервуара, а падаю — с другой.

— А какой же финал, на ваш взгляд, правдивее?

— Думаю, первый. Так жили их отцы, прадеды. Таков уклад их жизни.

— Вам симпатичен ваш герой?

— Меня однажды во время творческой встречи спросили: «Как вы чувствовали себя в роли бандита?» «Что за бандит, — не выдержал я, — где вы увидели бандита?» Человек взялся за оружие, чтобы защитить свою землю, дом, семью. У него отняли все. Он жил по своим законам, которые считал правильными. Это «красные» разрушили многовековой уклад его народа. Разве с этой точки зрения его нельзя оп-

равдать? Да, у него было много жен. А как бы он выбрал одну из них? А куда бы дел всех остальных, прогнал? Ну и куда бы они пошли?

— Ходят разговоры о «Белом солнце пустыни-2». Как вы относитесь к этому? И что же тогда будет с вашим героем?

— Да, мне говорили об этом. Все герои встречаются снова через 30 лет. Абдулла выходили, и он остался жив. Сухов, Абдулла, Саид — все живы, так что съемки можно продолжать... Почему-то я против. Всегда эти фильмы-2 в чем-то непременно проигрывают. «Белое солнце пустыни» — это классика, фильм-2 ею уже не будет. Но, естественно, если начнут снимать, я тоже с удовольствием присоединюсь.

— Сегодня в некоторых республиках пытаются реанимировать многоженство, как вы смотрите на это?

— Слушайте, а вы что — ревнуете или завидуете?

— Я? Боже упаси!

— Тогда в чем же дело? Так просто ничего не бывает. Там пересекаются экономические и политические вопросы. Этого требует время. Маленький народ, ему надо сохранить себя. А всем остальным разобраться, почему они решили это сделать. Корни всего этого в их этносе, традициях, для них самих ничего пугающего в многоженстве нет. Так мне это видится. Хотя я даже не представляю, зачем иметь жен в большом количестве. Жена — это как рука, часть тела, часть души, она — одна...

— Вам часто приходилось исполнять опасные трюки?

— Приходилось. Не раз с моста в реку прыгал. На лошадях всякие чудеса творил. Но когда молодой — редко ощущаешь опасность. На съемках «Белого солнца пустыни» мне выдали пистолет. Я должен был стрелять из него, когда прыгал за Суховым в море. Меня предупредили, что выстрелы можно производить в воде выброшу». После этих слов мне его к руке и привязали. Я же за него расписывался. Скажу честно — страшновато стало. На этих же съемках я получил еще и легкое сотрясение мозга, когда навзничь перед Суховым падал.

— Традиционный вопрос: почему вы стали актером?

— Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сделать небольшой экскурс в прошлое, в историю моей семьи. Родители и все близкие родственники мои были музыкантами. Отец — известный в то время в Грузии дирижер и композитор, руководитель грузинского хора Сандро Кавсадзе. Будучи совсем юным, он уже руководил хором в духовной семинарии. В его детском хоре пел Сталин. Спустя много лет они встретились на декаде грузинской литературы и искусства в Москве. Удивительно, но Сталин его не забыл. Во время встречи «вождя народов» с деятелями грузинской культуры многие из присутствовавших обратились к нему с разными просьбами — помочь в приобретении квартиры, машины... А мой отец ничего не попросил, чем несказанно удивил Сталина. Тогда он сам спросил моего отца, хочет ли он чего-нибудь для себя. После некоторого замешательства отец попросил... трубку. Сегодня эта реликвия хранится у меня дома. А может, это опять легенда. По крайней мере сегодня уже никто не расскажет, как было на самом деле. Вторая реликвия — письмо, опять же от Сталина. Его получил мой дед, когда лежал в кремлевской больнице. Но вернемся же к моему отцу. В 1941 году его

Кахи (слева) с мамой и братом. Эта фотография спасла его отца.

взяли на фронт, и спустя некоторое время он попал в плен. В плену его хотели расстрелять. Но вот эта фотография спасла его. На ней моя мать и мы с братом. Немешкий офицер долго рассматривал снимок и решил, что мой отец не может быть коммунистом. Отцу «даровали» жизнь. Когда закончилась война и отец вернулся домой, его тут же арестовали и отправили в ссылку. Что такое было тогда с людьми? Почему у нас было все так перевернуто? Пленение на войне — такой естественный процесс! Французы, вернувшиеся из плена, были героями и носили специальные знаки отличия на груди. К ним относились с почетом и уважением... В общем, сначала моего отца хотели расстрелять, а потом дали 25 лет. Через семь лет он умер в ссылке. Если бы он протянул еще год! До смерти Сталина оставалось всего несколько месяцев. Когда я подросток и стал самостоятельным человеком, я хотел перевезти его останки в Грузию. Но все стали отговаривать меня от этой затеи. Разыскать среди других именно его могилу не представлялось тогда возможным.

Теперь мы подошли к тому, как я стал артистом. Когда мой

отец был в ссылке, он все время спрашивал в письмах, учимся мы музыке или нет. Но я тогда занимался спортом, потом появились другие интересы, а тут еще мимо проходили такие симпатичные девочки. Так что ничего с музыкой у меня не получилось. Мой брат оказался прилежнее меня, и ныне он оперный певец. А в то беззаботное время мне и в голову не приходило стать артистом, несмотря на то что дом, где я жил, был «артистическим». В нем жили выдающиеся деятели театра и кино, такие, как Акакий Хорава, Тамара Чавчавадзе, Акакий Ваксадзе. С детства я бегал и играл вместе с Софио Чиаурели, Верико Анджапаридзе. Но мыслей о кино, я повторяю, у меня не возникало. Я учился в школе с математическим уклоном, и все мои одноклассники собирались поступать в технические вузы. Перед самым окончанием школы меня вдруг пригласили на пробы к фильму и... утвердили. Моей партнершей должна была стать еще неизвестная тогда Лейла Абашидзе. Но я активно занимался спортом и получил серьезную травму. Пришлось лечь в больницу. Больничная койка располагала к глубоким раздум-

ям о своей судьбе, и я твердо решил стать актером. К экзаменам в театральный вуз был абсолютно не готов, вдобавок что-то страшное творилось с моей речью... Но в комиссии сидели мои соседи и, наверное, приняли меня таким образом: «Черт с ним, пусть попробует!»

— Кто ваши друзья?

— Не поверите, но у меня есть друг еще с детского сада. Он был когда-то «большим» человеком, теперь «небольшой», но всегда был моим другом. Многие мои друзья ушли из жизни. Самым близким и дорогим для меня человеком была моя жена. Она тоже была актрисой, талантливой и очень красивой. К сожалению, после рождения сына она не смогла больше ходить, и ее творческая жизнь закончилась слишком рано. 23 года она провела в инвалидном кресле, и все это время у прессы был огромный интерес к моей жене. Бэлла была необыкновенной умницей. Есть женщины, которые любят в семье держать верх. Она же всегда меня тихо укоряла: «Ай, Кахи, как тебе не подobaет! Как ты вчера себя вел?» А когда я что-нибудь портил, она не торопилась высказать мне все сразу. Ждала несколько дней, когда я отойду от случившегося и буду в хорошем настроении. Столько лет прошло, а я все время думаю, почему у всех был такой огромный интерес к моей жене. Мне трудно без нее. Ее нет уже 7 лет, а я все время ловлю себя на мысли, а что мне Бэлла на это скажет, а как она к этому отнесется. Мы ведь никогда с ней надолго не расставались. До болезни она 13 лет играла на сцене театра и сыграла в кино три роли. Но ее до сих пор помнят и знают в Грузии.

— Хотели бы вы, чтобы профессию актера унаследовали ваши внуки?

— Мои дочь и сын работают вместе со мной в театре имени Шота Руставели, и внук все свое детство провел за кулисами, в театре. Поэтому, когда я его недавно спросил о будущем, он сказал, что будет кем угодно, только не актером. Но сегодня он вдруг увлекся театром, ходит, внимательно ко всему присматривается. Я думаю, что актера из него не получится. А вот шестилетняя внучка, наверное, станет актрисой. Артистическая натура!

— Интересуетесь ли вы политикой?

— Я бы сказал, как всякий нормальный человек. Сегодня все этим интересуются. Другое дело, что я на все имею свое собственное мнение. Я не люблю общественного мнения, потому что это субстанция такого рода, когда человеку подобает безоговорочно следовать ему. Нет вещи опаснее этой.

— А если бы вам оказали доверие и выбрали в парламент?

— Мне приходилось однажды выступать в грузинском парламенте по одному важному для Грузии вопросу. Речь шла о том, внести или не внести в паспорт графу «национальность». Я выступил и сказал, что думаю: я гражданин своей страны, что может быть важнее этого. Выказал свое мнение, и после этого мне пришлось целый день присутствовать на разного рода заседаниях и совещаниях. Я чуть с ума не сошел! Сидеть там месяц, год, четыре года — нет, не смогу, увольте! Каждому — свое. Каждый должен заниматься своим делом. Так что на своем рабочем месте я могу принести своей стране гораздо больше пользы.